

Яблоки тянули жилистые ветки к земле, почти касались лохматой сентябрьской травы, суетливого муравейника и мятого пледа, брошенного под деревом утром и уже обживаемого сердитыми жуками, мелкими паучками и торопливыми поздними бабочками.

К дереву была прислонена тяжёлая деревянная лестница. С верхней её перекладины доносилось пение.

— Жил-был художник один, — пел голос. — Домик имел и холсты...*

---

* Песня «Миллион алых роз» (слова Андрея Вознесенского, музыка Раймонда Паулса). — *Здесь и далее — примечания редактора.*

К песне примешивался ритмичный стук — певец срывал яблоко за яблоком и кидал их в большое ведро. Яблоки были крупные, равномерно порозовевшие. Срывать их было одно удовольствие.

— Миллион, миллион, миллион алых роз... — с чувством выводил голос.

Но вот ведро наполнилось, и человек стал спускаться. Сначала из густой яблоневой кроны вылезли его ноги в резиновых сапогах, затем — старые дачные штаны, а за ними — и весь Иван Иванович Караваев, инженер-конструктор на пенсии.

— Миллион, миллион, миллион алых роз... Да что ты будешь делать — действительно миллион! Яблочный год! И куда вас теперь девать, таких красивых? — обратился он к яблокам.

Яблоки молчали, сонно выставив на солнце розовые бока.

— Ладно, — решил Иван Иванович. — Отвезу вас к Егоровне, пусть продаёт. Чтоб не пропали. Миллион, миллион, миллион...

— ...алых роз... Тьфу! Что ж за песня такая приставучая! — ругалась Егоровна, перебирая яблоки на пороге своего вагончика.

Магазин в вагончике открывался в семь утра и закрывался не поздно, когда сама Егоровна решит, что пора. Сюда за скромными покупками — крупой, свежим хлебом, овощами — заглядывали жители окрестных домов. Сегодня весь прилавок был усыпан крупными розовыми яблоками. Летучий яблочный дух смешивался с уличными запахами — дымом жжёных листьев, туманом и пыльным теплом дороги — и пьянил каждого, кто приходил к Егоровне, за хлебушком или так, поздороваться.

А сама Егоровна, из-за яблочных ароматов или по какой-то другой причине, распелась и не могла остановиться.

— И каким ветром тебя принесло?! Миллион, миллион, миллион алых роз... Нет, это невозможно! Всё утро пою! Привет, Меркурич! Чего тебе? Яблочек?

Меркурич ехал в электричке. На коленях громоздилась объёмная кожаная видавшая виды сумка, набитая под завязку разными разностями. Молния на ней давно не работала, потому из сумки во все стороны лезли свёртки, бутылки и ведёрки

с деревенскими яствами: салом, молоком, перепелиными яйцами. В ногах Меркурича укоренилось тяжёлое ведро, полное ровных розовых яблок — своих не уродилось, пришлось купить у Егоровны.

В голове у Меркурича творилось непонятное. «Миллион, миллион, миллион алых роз... — крутил не склонный к вокалу мозг. — Вот ведь! Услышится что-то, и всё — пристанет, пока не отвяжется... Миллион, миллион... О чём я думаю вообще? Миллион, миллион, миллион алых роз...»

Меркурич пытался переключиться на другую волну, про себя напевал и даже вслух насвистывал свои любимые болеро Равеля, «Марш Радецкого» и душевную песню про ландыши, но розы раз за разом побеждали. «Миллион, миллион, миллион алых роз...»

И снова: «Миллион, миллион, миллион алых роз...»

И так до самой Москвы.

— Миллион, миллион, миллион алых роз...

Мама ходила по кухне, убирая посуду в посудомоечную машину. «Что-то я забыла, что-то

забыла», — неотвязно думала она. В голову лезла старая песенка и мешала маме сосредоточиться. В прихожей вяло копошились, собираясь в школу, её дети.

— Мам, мы уходим!

Тут мама наконец вспомнила.

— Стоп! Подождите!

Она схватила три самых красивых яблока и выбежала в коридор.

— Вот. Тебе, Ваня! Тебе, Варя! И тебе, Черничка!

Две девочки склонились над яблоком, разглядывая узоры на его боках.

— Красивое... — сказала Василиса. — Даже резать жалко.

— Ничего не жалко! — бодро возразила Черничка.

Она схватила фиолетовую пластиковую линейку и занесла её над яблоком.

— Миллион, миллион...

— ...миллион алых роз! — подхватила Василиса.

На парте перед ними лежали две половинки яркого осеннего яблока.

— Налетаем! — скомандовала Черничка.

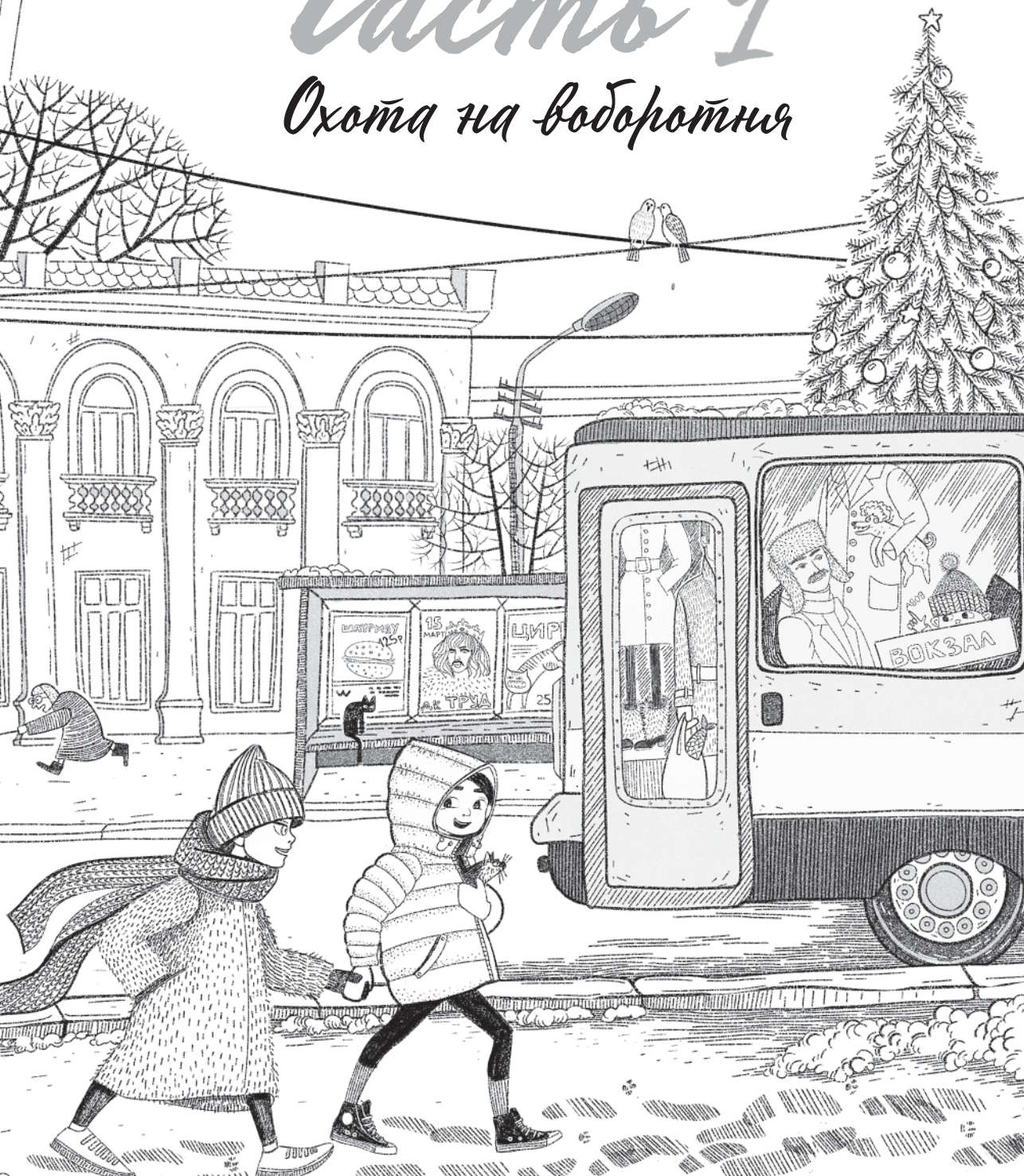

Часть 1

Охота на воберотня

В декабре Черничке исполнилось десять лет. Совсем скоро она окончит четвёртый класс и перейдёт в среднюю школу. А пока она и её подруга Василиса учатся отдельно от всего четвёртого «А» — это называется индивидуальное обучение. Учиться со всеми не получается потому, что обе девочки серьёзно занимаются гимнастикой — а там то соревнования, то сборы,

то просто внеплановые тренировки... Вот и пришлось учителям составить для них особое расписание, чтобы Черничка с Василисой успевали и поучиться, и потренироваться.

Однажды Черничка, грустно вздохнув, призналась, что хотела бы учиться вместе со всем классом.

— Ты что, готова бросить ради этого художественную гимнастику? — строго спросила её Василиса.

И Черничка поняла: нет, не готова.

Так что пока ей придётся учиться по индивидуальному расписанию. Ну и ладно. У неё же есть Василиса.

Больше всего на свете Черничка и Василиса обожают оставаться друг у друга на ночь. Тогда можно смотреть мультики и играть, пока не надоест. То есть всегда. Бывает, девочки так заигрываются, что ложатся спать аж в два часа ночи! Ужас, конечно, зато как удаётся наиграться!

Утром мама или бабушка заходят в Черничкину комнату, а та-а-ам тако-о-ое... Всё перевёрнуто, разбросано, вынуто из ящиков и опрокинуто на пол... Маме или бабушке тут же дико хочется

ругаться. Но только они повернутся в сторону двухъярусной кровати, как сразу излечатся от своего желания: ведь девочки спят так сладко, так искренне... Любая мама или бабушка знает особенное, «спящее» выражение лица у ребёнка и понимает, что нельзя вот так невежливо врываться в сон и говорить что-то там про уборку и другие незначительные вещи.

Нельзя мешать человеку быть счастливым.

Даже если он слегка намусорил.

Летом, когда Василиса гостила у Чернички на даче, девочки случайно придумали свою собственную игру и теперь почти всегда играли только в неё. Называлась она секретно: ЛП. А расшифровывалась — «лилипутские путешественники».

Играли в неё так. Для начала вырезали из бумаги двух куколок, раскрашивали, одевали и не показывали друг другу. А потом прятали. Это нужно было сделать незаметно, но разложив подсказки на пути, по которому куколка шла, чтобы спрятаться. В общем, получался настоящий кукольный квест. А когда кукол находили, то Василисина становилась Черничкиной, а Черничкина — Василисиной.

За пять месяцев игры куклы научились так виртуозно прятаться, усложняя подсказки, что, бывало, поиски никак не кончались.

А потом — бац! — и два часа ночи!

— У тебя новая тетрадь? — заинтересовалась Василиса.

— Ага! — улыбнулась Черничка. — Вчера с папой ходили покупать. А то всё вдруг закончилось.

— Какая зелёная... — сказала Василиса.

— Зелёная! — подтвердила Черничка. — Зато розовая!

И листнула новую тетрадку. На обреше странички действительно оказались розовыми.

— Как арбуз! — восхитилась Василиса.

Когда Черничка была совсем маленькой, папа был для неё самым главным авторитетом. Когда он был дома, её не интересовали ни мультики, ни игрушки — она садилась на пол и просто смотрела на него. Ничего не требовала, не говорила вообще ни слова, почти не шевелилась.

Естественно, через полминуты такого сидения папа хватал ребёнка и усаживал себе на колени.

И это было для Чернички лучшим местом на всём свете.

А звали её тогда по-другому.

Однажды вечером папа пил чай. А мама как раз испекла пирог с черникой.

— Что ты любишь больше всего? — неожиданно спросила дочка.

— Тебя, — не раздумывая ответил папа.

— А поешь?

— А поешь... — папа задумался. — Да чего далеко ходить? Вот пирог с черникой люблю!

— Тогда, — сладким голосом произнесла девочка, — я буду твоей Черничкой.

И объявила всем, что с этого самого дня она — Черничка. А на старое имя больше не отзывается.

Варя с Ваней долго по этому поводу возмущались: «А что, так можно было?» Но потом привыкли.

Черничка с тех пор выросла. А имя так и осталось.

Хотя в школе её звали тем, старым именем. Учителям ведь не объяснишь этих тонкостей.

Пока идут уроки, под партой Чернички и Василисы накапливается целый клад. Загадочным образом, незаметно, по одному карандаши, ластики,

точилки перемещаются под парту и ждут, когда их отыщут хозяйки. Это такая игра. Девочки, правда, ничего не замечают. И хватаются пропажи, только когда соберутся домой. Тогда одна из них полезет под стол и с искренним удивлением обнаружит там кучу всего.

Вот и сегодня уроки закончились, и тут только девочки увидели, что их упитанные пеналы отощали почти вдвое.

— Я достану! — и Василиса нырнула под парту, как заправский охотник за жемчугом.

Но вместо ластика, карандаша, ручек зелёной и синей, а также вместо прекрасного нового маркера Василисина рука нащупала какую-то неизвестную тряпочку. Извлечённая на свет из-под парты, она оказалась весьма странным предметом.

Больше всего это было похоже... Нет, правда...

— Не поняла... — протянула Черничка.

Предмет лежал на парте. Девочки склонились над ним. Василиса удивлённо моргала.

В общем, больше всего это напоминало крохотную кепочку. Не бейсболку — скорее, картуз. Такой смешной, изрядно поношенный картузик с приколотым к нему маленьким жёлтым цветочком.

— Это твой? — спросила Черничка у Василисы. Как будто и так нельзя было понять, что Василиса впервые видит этот головной убор!

Василиса решительно покачала головой.

— Чей тогда? — требовательно спросила Черничка.

— А может... — Василиса даже закрыла рот рукой.

— Не может! — отрезала Черничка.

— А если они всё-таки существуют? — робко спросила Василиса.

— Если ты про ЛП, то мы сами их выдумали! — возразила Черничка. — А раз мы их сами выдумали, значит, их не существует! Потому что, если бы они существовали, нам бы не пришлось голову ломать, чтобы они нам нафантазировались! Это же так просто! Логика!

Черничка выразительно постучала себя по лбу.

И тут Василиса, которая всегда и во всём слушалась энергичную Черничку, схватила учебник математики, занесла его над головой и с грохотом уронила на парту.

От неожиданности Черничка вздрогнула.

— Я вот что думаю! — громко сказала Василиса. — Что это не мы их выдумали, а они

